ЛИТВА КРЕСТОВ:
традиции крестостроения в Литве

Т.Л. Яворская

Символы, в отличие от философских категорий, не выдуманы, а извечны. Это живая плоть традиционных доктрин, так как символом может быть любой объект материального мира. Среди традиционных символов, встречающихся испокон веков по всей земле, наиважнейшим и всеобъемлющим является крест.

Рене Генон. Символика креста

19 мая 1925 г. на Королевской вилле в Монзо (Италия) была открыта II Международная выставка декоративного искусства (действовала до октября). В ней впервые самостоятельно участвовала Литва. Рядом с произведениями современного декоративного искусства других стран были размещены литовские народные придорожные распятия, резные изображения святых, 18 крестов народного мастера Винцаса Свирскиса, 12 народных скульптур. Итальянские критики отметили оригинальность художественного исполнения литовской экспозиции, раскрывающей европейцам совершенно новый, неизвестный мир литовского народного искусства резьбы по дереву, и призывали литовцев издать альбом народного искусства. Итальянская печать писала: «Эти работы неизвестных деревенских резчиков имеют в первую очередь исключительную документально-историческую ценность и возбуждают чувство интереса...»[1]. Тогда европейцы впервые познакомились с уникальной литовской традицией создания крестов. В мае 2001 г. изготовление крестов в Литве было включено в списки шедевров нематериального наследия человечества.

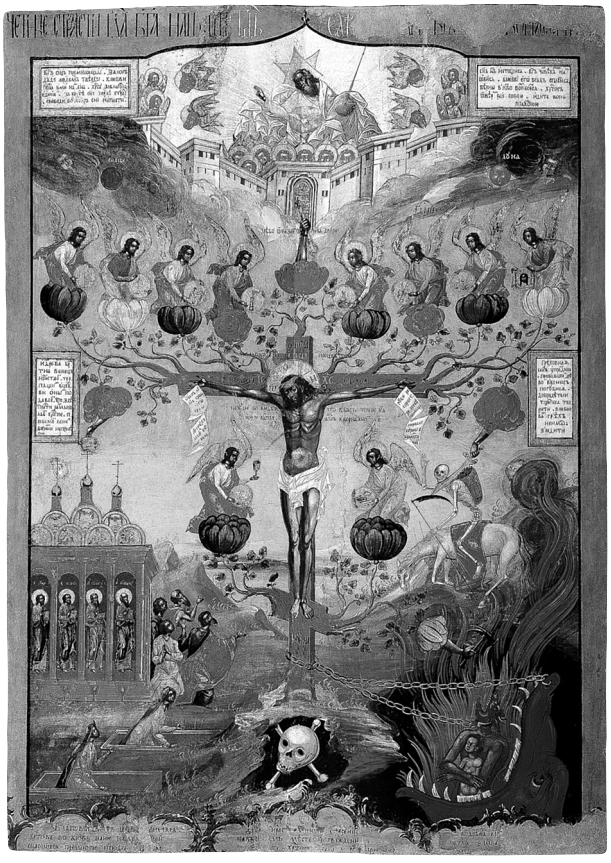
Кресты — феномен литовской религиозности. Сегодня они являются живыми свидетелями как трансформации исторического мировоззрения, так и преемственности идеологических символов, в которых отражается своеобразная, характерная черта литовской этнокультуры — близость к родной природе и неразрывная связь с родной землей. Разнообразные деревянные кресты, часовни, кресты с распятиями — памятники, принесшие известность и вызывающие неизменный интерес и восхищение, в большинстве своем — произведения народных мастеров. Они воплощают и хранят духовные ценности, эстетические представления литовского народа. В конце октября 2006 г. в Вильнюсе прошла международная конференция «Феномен крестостроения в народной культуре»[2].

Каждого приезжающего в Литву удивляет обилие скульптуры. Это не только традиционные памятники известным историческим деятелям, но и бесчисленное множество монументальных, мемориальных, сакральных и декоративных пластических объектов, располагающихся во дворах жилых домов, в местах отдыха, работы, на улицах и площадях. Столь большое количество скульптуры в пространстве городов поражает своей органичностью, тонкой связью с окружающей средой, соразмерностью с человеком. В этом прослеживается древняя, непрерывающаяся традиция.

Первый символ, при помощи которого человек утвердил себя на земле, — это каменный или деревянный столб. Деревянный столб, конечно, символизирует мировое древо. Для литовцев основным материалом для строительства жилья, создания предметов быта и культа является дерево. Своих предков, живших на этой земле, они называют *stabmeldžiai* — стабмяльджяй, *stulpameldžiai* — столпомолитвенники или столпопоклонники. Слово «столб» на литовском языке звучит как ‘stulpas’. *Stabas* — столп, *stiebas* — стебель, *stuburas* — позвоночник, *stalas* и *priestalis* — стол и престол практически соответствует русскому. Во всех этих словах прослеживается индоевропейский корень «ST» и традиции возведения некоей надземной вертикали в центре пространства обитания человека, характерной для всех народов мира. Однако литовский менталитет требует маркирования пространства каждого рода и каждой отдельной семьи. Утверждение столбов как сакральных объектов в христи-

[1] Lietuva. 1925. № 244.

[2] The phenomenon of Cross-crafting in Folk culture: Abstracts. Vilnius, 2006. 24–26 october.

Процветшее древо Христа (Плоды страданий Христовых)
Икона. Начало XIX в.

анскую эпоху трансформировалось в утверждение крестов, которые стали наиболее полным выражением идеи древа жизни, прорастания, воскрешения, победы над смертью.

Контаминацией этих древнейших идей становится Святое Животворящее Древо Креста одновременно Древо Жизни, приводящее в рай, и Райское древо, поэтому во многих христианских странах существовала традиция изображать процветшее Животворящее Древо Креста. Наиболее ярко это проявилось именно в литовской культуре[3]. Слово «святой» — *šventas* (лит. *швянтас*) — праславянский корень 'svęt' (свент), индоевропейское, 'q'uen'to' или 'kvento'* — «святой» — означает благостное возрастание, увеличение объема или других физических духовных, нравственных характеристик. В языческую эпоху оно трактовалось как результат собой плодоносящей жизненной силы и было символом вегетативного плодородия, т.е. было одним из символов Мирового древа, Древа Жизни[4].

В Литве, как ни в одной другой стране мира устанавливают огромное количество крестов. Некогда они стояли так часто, что от одного до другого было расстояние в несколько десятков метров. Здесь повсеместно встречаются кресты с одной, двумя и более поперечинами, которые щедро обогащены антропоморфными, зооморфными изображениями и растительными мотивами — цветами, плодами, листьями, ветками, стеблями, что делает их наиболее полным пластическим воплощением идеи дерева. Столь же часто в Литве устанавливались киоты, часовни, часовенки (*koplitėlė, kopličia* — каплицы, каплички) на столбах, на деревьях, на пнях установлены столбообразные часовни, подобные русским голбцам, столбы с крышей (*stogastulpiai*). Часовни так же, как кресты, бывают надгробные, поминальные, праздничные, памятные, обетные. Они устанавливаются так же, как в России: на перекрестках дорог, перепутьях, у гиблых и болотистых мест, во дворах, у храмов, на берегах рек и озер, у источников, на вершинах холмов и в полях, на территориях усадеб, у околиц, въездах на мосты, в селах. В Литве, в отличие от России, кресты и столбы с крестами и часовнями устанавливаются у каждого дома с парадной стороны. Они видны издалека и организуют и маркируют жизненное пространство христианина. Часовни и кресты в Литве делают в основном из дерева, но часто используется камень, кирпич, металл; с начала XX в. — в различных комбинациях цемент и бетон. Именно эта традиция послужила причиной тому, что сами литовцы свою землю называют Литвой крестов.

Первые публикации о крестах в Литве появились в печати еще впервой половине XIX в. К 1840 г. это явление было уже настолько масштабным, что стало привлекать внимание исследователей. Литовские кресты описывали, зарисовывали, позже — фотографировали, атрибутировали, систематизировали, изучали многие специалисты — от краеведов до философов.

[3] Lietuvių liaudies menas. Mažoji architektūra. II knyga. Vilnius, 1990 (вступительная статья K. Šešelgis); III knyga. Vilnius, 1992 (вступ. статья A. Stravinskas).

* Цвет, цветок, или «квяты».

[4] Крест; Древо мировое; Пространство // *Топоров В.Н.* Мифы народов мира. М., 1980–1982. Т. 1–2.

Крест возле жилого дома (г. Паневежис)

«Спасибо родителям за то, что научили любить крест»

В специальной литературе эти произведения обозначаются следующими терминами: «кресты», «малая архитектура», «мемориальные памятники», «народные монументы». Их принято делить на три основные группы:

К первой группе относятся *столбообразные,* конструктивно-архитектурной основой которых является столб (это наиболее архаичная форма памятников): 1) собственно столбы, 2) столбы с крышей, 3) столбы с часовней, 4) собственно кресты, 5) кресты с распятиями, 6) кресты с часовнями, 7) кресты с часовнями и распятиями, 8) кресты с двумя, тремя и более перекрестиями, 9) кресты — «солнышки», с коронами или солярными знаками, 10) моровые кресты — кресты-«каравики»[2*].

Ко второй группе относятся *киотные,* конструктивно-архитектурной основой которых является прямоугольная призма: 1) часовни, 2) часовни-дупла, 3) часовни на земле, 4) часовни на камнях, 5) часовни на основаниях из камней и кирпичей, 6) часовни на пнях, 7) часовни на деревьях.

Третья группа — *дощатые* кресты. Это надгробные доски — «крикштай»[5].

Надгробные доски — самая таинственная и малочисленная группа мемориальных памятников. Считается, что они являют собой знаки захороне-

[2*] О традиции возведения и их оберегающих функциях на конференции говорила литовская исследовательница Габия Сурдокайте — см.: The phenomenon of Cross-crafting in Folk culture.

[5] По материалам Международной научной конференция «Литовские кресты в мировом контексте» (10–11 ноября 2005 г., Каунас), филолог из Санкт-Петербургского университета Ванда Казанскене представила исследование этимологии и семантики литовских слов *крикштас* (высокопродуктивный полисемантический термин, означавший и «крещение», и «начало», и «почетное место», и «поворотный пункт во времени и в пространстве») и *крижас* («крест», но также скрещенные треугольники — «крест Лаймы», год или десять лет, мотовило для прядения), выявив их возможное балто-славянское происхождение и дохристианский контекст бытования в культуре, на который, впоследствии была наложена и христианская сеть значений.

ний протестантов. Сделанные из профилированных досок толщиной 2–6 см и высотой от 1 до 2 м эти памятники представляют собой симметричные силуэты антропоморфного, зооморфного или растительного характера. Иногда они окрашены в один или два контрастных цвета. В них подчеркивается двухмерность — на плоскости вырезаются имена и даты захоронений. Заметим: протестанты не поклоняются крестам, но в поздних «крикштай», в католической Литве на фоне символов старых надгробий формируется крест.

Такие памятники распространены в Литве в районах Клайпеды, Куршской косы, городов Йонишкис и Биржай, а также в Словакии, Германии, Латвии (принято считать, что они были распространены там, где смогли утвердиться идеи Реформации).

Слово «крикштас» в переводе на русский — *крещение*, т.е. посвящение — инициация. В связи с этим «крикштас», как надгробие, мог стать знаком посвящения язычника в новую веру или остаться знаком сохранения верности старым богам. Неясность «символа веры» или его отсутствие усложняют атрибуцию памятников этого ряда. Возможно, они появились после 1525 г., так как установлены (или обнаружены) в местах распространения вероучения реформатов. Автор книги «Мемориальные памятники литовского народа» и сторонник теории сравнительно позднего появления такой формы надгробий А. Ширмулис утверждает, что доски появились в Литве не раньше XVI в., когда появились пилы[6]. Историческая практика и ряд сохранившихся памятников древнерусского искусства свидетельствуют, что доска могла быть вытесана топором. Примером подобной технологии может служить Людогощский крест, который в нижней своей части представляет ствол дерева, верхняя же его часть стесана, а по бокам прикреплены дополнительные доски (таким способом издревле тесали доски для лодок и кораблей и других надобностей). Эта технология наверняка была хорошо знакома куршским и жямайтийским рыбакам.

Доктор Либертас Климка, один из участников конференции и сторонник теории архаичности плоских дощатых надгробий, мотивирует сохранение традиции установления «крикштай» с мифологизацией дерева[7]. Он считает, что форма «крикштай» имеет силуэт дерева и связывает это с верованиями предков. Эту гипотезу подтверждают народные верования в метемпсихоз, т.е. воплощение души умершего именно в дерево. Реликты подобных представлений зафиксированы в народных песнях: «Ой, не руби, батюшка, зеленой березки»; в сказках: «Эгле — королева ужей» (где Эгле — Ель); в запретах на заготовку дров в день Адвента — христианского праздника Пришествия.

Преподобный Иоанн Кронштадтский в своем полемическом сочинении «О кресте Христовом», говорит, что образ креста в Ветхом Завете имел «вид или креста четвероконечного или *простого жезла, куска дерева, прообразовавшего* четырехконечный крест новозаветный не по форме, но по его *внутренним свойствам*»[8]. С давних времен литовцы-земледельцы, называющие себя столпопоклонниками, были исключительно преданы своей родной земле. Утверждение столбов — «простых жезлов», т.е. маркирование жизненного пространства, было для них актом сакрализации земли, которая с появлением крестов становится отныне святой, населенной святым народом, ведущим святую жизнь и потому достойным жизни вечной[9].

Одно из древнейших в Литве пластических антропоморфных изображений, относящееся к IV–II тысячелетию до н.э. было найдено в 1969 г. при впадении реки Šventoji (Щвянтойи — Святая) в Балтийское море археологической экспедицией, изучавшей нарвскую культуру под руководством доктора археологии Р. Римантене (R. Rimantienë)[10]. Он представляет собой стоявший на берегу озера двухметровый, десяти сантиметров в диаметре столб, неочищенный от коры ствол лиственного дерева, с грубо вырезанным каменными орудиями погрудным изображением человека в его верхней

[6] *Alfredas Širmulis.* Lietuviuř liaudies memorialiniai paminklai: Medis: Akmuo: Gelezis. Vilnius, 1999. С. 26

[7] *Libertas Klimka.* Shrines on the Tress: Phenomenon of Lithuanian Religiousness // The phenomenon of Cross-crafting in Folk culture.

[8] *Кронштадтский, Иоанн,* святой праведный. О кресте Христовом // Ставрографический сборник. Книга третья. М., 2005. С. 6.

[9] *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. М. 1995 (Вступительная статья).

[10] *Rimantienë R.* Šventoji: Narvos kultűros gyvenvietës. Vilnius, 1979. С. 111–119 (на рус. яз. — с. 168–171).

части (приблизительно 30 см). Скорее всего, это воплощение покровителя вод. Сегодня на окраине города Швянтойи, на месте обнаружения столба стоят новые столбы, созданные художниками в 70–80-е гг. XX в.

По этнографическим данным, подобные антропоморфные изображения, сохранились до начала XIX в. на севере Финляндии в местах ловли рыбы, где их водружали на берегах рек и озер. Их называли «Большим хозяином», «Отцом», почитали, здесь приносили жертвы.

Еще один памятник может показаться весьма интересным исследователю, занятому поиском подтверждения *исторических* доказательств бытования традиции столпостроения, — композиция центральной части бронзовых романских ворот XII в. Гнезненского кафедрального собора, построенного в древней столице Польши в XIV–XV вв.[11] В рельефах представлены сцены двух погребений: «правильного» — христианского и «неправильного» — языческого «прусского». На нём изображён помост с телом убитого язычниками св. Войцеха[3*]. Справа от него помещен живой ствол дерева с корой и почками, завершающийся большой головой с характерными портретными чертами лица. Слева — дуб с резной листвой. Между ними — сам помост, сквозь который уже проросло молодое деревце. На вершине этого дерева как посредник между миром горним и миром земным сидит птица. Этот сюжет свидетельствует об осведомленности средневекового художника о прусском культе мертвых и деревьев, который еще долгое время был широко распространен не только в Литве.

Находка в Щвянтойи также представляет собой ствол дерева с корой. В 1956 г. в Сарнате (Латвия), археолог Л. Ванкина нашла подобный столб чуть меньших размеров (он также с корой), который стоял под деревом, а рядом в песке были найдены угли жертвенника (предположительно). Столб был обнесен оградой — сохранились ее остатки. Список подобных находок можно продолжить: И. Лозе на реке Малмута в Латвии, А. Руста в Германии (1958) — так называемый Хортенбахский столб; столбы-идолы, найденные на Урале в Шигирском и Горбуновском торфяниках (всего семь столбов. Эдинг Д. 1937 г. и Дмитриев П. 1951 г.)[12].

Можно смело предположить, что в литовской «Быховецкой хронике», записанной в начале XVI в., говорится именно о подобных столбах: «В том году умерла мать литовского и жямайтийского князя Куковайтиса — Паяута, дожившая до седых волос. И великий князь Куковайтис, любящий свою мать, в ее память и честь, по ее образу сделал столб, и поставил его, тот столб, имени своей матери Паяуты, возле озера Жасляй. И тому ее столбу поклонялся, и Паяуту почитал как богиню. Потом тот столб сгнил, и на том месте выросли липы. Этим липам поклоняются до наших дней и обожествляют их, поминая ту Паяуту. А потом умер великий князь Литвы и Жямайтии Куковайтис, бывший очень справедливым и милостивым к своим подданным. И своим преемником в Литовском и Жямайтийском княжестве оставил своего сына Утяниса. Этот сын, любящий своего отца, великого князя Куковайтиса, в память о своем отце сделал столб, и поставил его у Святой реки Швянтойи на одной горе неподалеку от Дялтувы. И его почитал, считал богом. Потом тот столб сгнил, а там вырос лес. И люди почитают тот лес и называют его именем своего владыки Куковайтиса...»[13], и т.п.

Таким образом, в тексте описаны ритуалы установления *памятных* столбов на месте захоронения предков с их портретными изображениями; *обожествления* предков; *обряда поклонения* столбам. Следует отметить место положения *обрядовых*[4*] столбов — все они ставились у воды. Сходные ритуалы существовали у словаков, которые на могилах ставили антропоморфизированные столбы, похожие на столбы — стражи у дворовых ворот. Их назначение также можно трактовать как магичес-

[11] *Dobrzenski T.* Drzvi Gnieznienskie. Krakov, 1953 (илл. 4, 15).

[3*] Войцех (Адальберт) епископ Пражский прибыл в прусские земли с христианской миссией и был убит язычниками ятвингами и захоронен по языческому обряду. Позже его тело было выкуплено христианами и погребено по христианскому обряду.

[12] *Rimantienë R.* Šventoji. Narvos kultűros gyvenvietës. Vilnius, 1979. С. 111–119, (на рус. — С. 168–171).

[13] Lietuvos metraštis (Bychovco Kronika).Vilnius, 1971. С. 51–52.

[4*] *Abžadř* — по-литовски, *obrzedy* — по-польски, — обряды; *Žadëti* — по-литовски — «обет», обещать. Следовательно, по-литовски это — обрядовые и обетные столбы.

кое, обережное[14]. Отражения этих представлений мы видим в известном Збручском идоле, который первоначально стоял в музее Вильнюсского университета, а позднее был перевезен в Краков.

Подобное можно увидеть и в других изображениях, найденных в разных регионах Евразии. Сходные традиции отмечал у остяков Н. Серебренников[15]. Известно, что и в России также были широко распространены и столбообразные идолы и кладбищенские голбцы. Русские часовни на столбах, голбцы и антропоморфные столбообразные изображения, — представляют собой неотъемлемую часть общей евразийской традиции и требуют осмысления именно в контексте изначального единства представлений.

Исследователь П. Дундулене в своей книге «Деревья в верованиях древних литовцев» пишет: «Деревья — место обитания душ умерших и богов. Во времена распространения культа предков[5*] возле усадеб, а иногда и на отдаленных деревьях или столбах, вешали скульптурки, изображающие скорее всего предков. Считалось, что в них поселяется душа умершего и она заботится и охраняет свое потомство и усадьбу. Так дерево становилось посредником между миром живых и миром мертвых»[16].

Возможно, тогда и стали создавать небольшие скульптурки для столбов с крышами для часовенок, которые закреплялись на деревьях или устанавливались на камнях возле корней или в дуплах. Можно предположить, что высокий столб с крышей мог быть надгробием одной семьи. Как выглядели они изначально, как менялась их пластика во времени — сведений нет. Перемены и трансформации образа, или пластики памятников, очевидно, зависели от имеющихся инструментов, материалов, навыков мастера, распространяющихся верований, обрядов и уже образовавшейся традиции. Автохтонность, замкнутость, отдаленность от торговых, культурных центров, поздняя христианизация, реформация, контрреформация, — все это причины сохранения древнего уклада и рудиментов старых верований в жизни литовцев.

Контрреформация активизировала процесс приобщения их к общехристианской католической культуре. Одним из средств активной христианизации сельского населения является строительство кальварий. Кальварии строятся в оградах кафедральных соборов: появившиеся в Литве францисканцы популяризируют хождения верующих по Крестному (Страстному) пути вокруг церкви, где в ограде устанавливались обычно 12 часовенок или киотов, с помещенными в них композициями на темы Страстного пути. Доминиканцы строят большие топографические копии пространства Страстей, например, недалеко от Кракова — Зебжидовскую кальварию или на Юго-Западе Литвы — Жемайтийскую. Так, с 1604 г. в Польско-Литовском государстве ведется интенсивное строительство новых святых мест — Кальварий — как новых духовных центров[17]. Возможно, утверждение крестов вдоль дорог было знаком победы и права на епархию в межконфессиональных баталиях. В целом же это привело к повсеместному распространению христианского, католического «Символа веры». Кресты и кресты с распятиями, по всей вероятности, постепенно замещают и вытесняют традиционные обрядовые (поминальные) обережные столбы, а со временем рядом с памятниками и символами столпопоклонников появились христианские. Место же предков на столбах и в часовнях заняли христианские святые. Старые обычаи угасали... Этому содействовали множественные и разнообразные церковные запреты. В большей степени — запрет на установку столбов на могилах.

Однако этот обычай кое-где сохранился. Известно, что он существовал на обширных пространствах Евразии, в том числе и на Руси. Это широко распространенные в свое время намогильные голбцы. В настоящее время в России эта традиция, можно сказать, исчезла, как не сохранилась она и у других перемещавшихся в поисках места обитания и безопасности народов. В то же время ее отголоском можно считать распространение всевозможных стел и пирамидок в качестве намогильных памятников советского и постсоветского времени.

---

[14] *Tkač, Š*. ... len kamen a drevo. Bratislava, 1977.

[15] См.: *Серебренников Н.Н.* Пермская деревянная скульптура. Пермь, 1967.

[5*] То есть до принятия христианства Аукштаитией в 1387 г., а Жямайтией — в 1413.

[16] *Dunduliene P.* Medziai senovės lituvič tikejimuose. Vilnius, 1979. С. 76 (см. главу «Инкарнация и метаморфоз»).

[17] *Яворская С.Л.* «Шумаевский крест» и кальвария царя Алексея Михайловича // Иеротопия: создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2006.

Размышления о причинах существования *живой* традиции крестостроения в Литве сегодня позволяют более точно осмыслить и русскую традицию установления голбцов и часовен на могилах.

В Литве непрерывное бытование обычая установления столбов обусловлено автохтонностью этноса и изолированностью народной «низовой» культуры от городской. Столпоутверждение и есть знак ее хтоничности. Это свойство утрачивается с ослаблением связи с родной землёй. В Литве народная традиция столпостроения и крестостроения программно сохраняется и поддерживается государством. В Литве, пусть и в видоизмененном качестве, сохраненяется культ мертвых. Отношения литовцев с предками сегодня такие же, как в древние времена, о чем свидетельствует ставший ритуальным особенный уход за могилами. В дни поминовения умерших, 1–2 ноября[6*], кладбища превращаются в «место встречи» всех живых. На могилы родственников ставится множество свечей, которые горят до *двух суток*. Сохранение захоронений иноверцев, захватчиков, инородцев, массовых, коллективных и даже одиночных могил, — также свидетельствует об этом особом отношении ко *всем* похороненным, которые *идентифицируются* как предки. Все *оставшиеся* в этой земле становятся *этой землей*. Особое отношение к умершим и захороненным в Литве проявляется именно в ритуализированном уходе *за всеми* могилами. Массовое действо, в котором принимает участие вся Литва, завораживает, волнует и притягивает своей нерушимой обязательностью.

Дальнейшее развитие народной культуры определено приспособлением ее к требованиям новой религии. Вариабельность всех имеющихся элементов в создании новых произведений — характерная черта народного опыта крестостроения и его жизнеспособности.

Как уже было отмечено, очень часто в часовенках, киотцах, на столбах присутствуют скульптурные изображения. До XIX в. вся народная скульптура была деревянной и изображала в большинстве своем

[6*] Эти дни объявлены нерабочими.

Христа в темнице и некоторых других христианских святых. Все они, как правило, христианские мученики, имеют при себе атрибуты, по которым их можно идентифицировать. Зачастую они принимают на себя функции местных покровителей. По предположению А. Ширмулиса, скульптуры статичные по форме, в изображении которых отсутствуют атрибуты, — возможно, сохраняют традиции столбообразного изображения предков. В Литве издревле существовал обычай вырезать памятники из деревьев определенного вида. Для умерших женщин — липа, ель. Для мужчин — дуб, береза[7*]. Все это еще раз подтверждает, что в языческом дохристианском обществе все пластические проявления были связаны с обрядами культа мертвых и дерева, поэтому возникновение христианской народной деревянной скульптуры определено не введением христианства, а традициями и обычаями более древних времен. Народная скульптура лишь активно приспосабливалась к нуждам нового вероучения.

Дискуссии по поводу первичности язычества или христианства в уникальном литовском явлении крестостроения насчитывают 150 лет и ведутся до сих пор, что усиливается и живостью традиций до сего дня. На дорогах Литвы возле городских и сельских усадеб, в святых местах, на перекрестках, у водоемов — везде — появляются новые и новые кресты и часовни. Литва активно стремится вернуть себе значение «земли крестов». Это отчасти связано с практикой совместных пленэров профессиональных художников и народных мастеров, возникшей в 70-е гг. XX в. с целью легализовать и сохранить пластическую традицию Литвы. Отчасти — со стремлением всемерно сохранить и подчеркнуть самобытность литовской культуры, литовской ментальности, что особенно заметно в настоящее время, когда Литва приобрела политическую независимость. Во многом этому способствует Союз народных мастеров Литвы. Одним из важных направлений работы этого Союза является возобновление обветшалых и разрушенных крестов, часто в старых формах. Существует национальная программа, в соответствии с которой особо ценные кресты демонтируются и отправляются на хранение в музеи. На их месте народные мастера (не профессиональные художники) утверждают вновь созданные реплики.

В Литве встречаются также довольно большие скопления современных крестов и часовен на столбах. Это отнюдь не кладбища, а так называемые «Горы крестов». Феномен Гор крестов требует отдельного полномасштабного исследования, но необходимо отметить, что это явление существует не только в Литве[18]. На небольшой территории республики насчитывается более двадцати подобных сакральных комплексов. Если посмотреть на карту Литвы с Запада на Восток, то на карте республики мы увидим:

1. Недалеко от г. Клайпеда, в лесу Норгелай расположена «Шальпес калнас».

2. Севернее Клайпеды, у города Крятинга, местечко Эршкетинас. Лес Йоскауду — *Его страданий* (с

[7*] Береза в литовском языке — бяржас — существительное мужского рода.

[18] *Яворская Т.Л.* Горы крестов — феномен народной иеротопии // Пространственные иконы: материалы международного симпозиума / Ред-сост. А.М. Лидов. М., 2009.

1926 г. по инициативе Барборы Пациене здесь проводятся праздники, во время которых на деревьях развешиваются кресты. Имеется святой источник и часовня, освященная в 1930 г.).

3. Недалеко от г. Тяльшяй находится «Пану калнас» — *Девичья гора*. Здесь в 1626 г., во время нашествия шведов были убиты прятавшиеся в лесу от захватчиков девушки. Построена небольшая часовня, установлены кресты, закреплены киоты на деревьях. В 1982 г. часовня и кресты были снесены, но кресты появились снова. В настоящее время святое место восстановлено. Важно, что кресты устанавливаются не только на земле, но и развешиваются в произвольном порядке на стенах деревянной часовни внутри ее.

4. Около г. Тяльшяй — лес Кирщю (*лес Сечи*), а в нем — «Абжаду виетай» — *Обрядовое место*. Часовни здесь установлены на земле. Их форма традиционна для часовен XIX в.

5. «Абжаду капяляй» — *Обрядовые могилки* расположены недалеко от деревни Кайришкис в районе города Науейи Акмяне на севере Литвы, на месте исторического культа деревьев. До сих пор сохранился традиционный обряд, связанный с хождением вокруг двух сосен. Считается, что священное место существует с 1815 г. Построена часовня. Здесь построена часовня. Ворота при входе на сакрализованную территорию установлены в 1932, или в 1933 г.

6. Городок Курщенай, Шяуляйский район, лес Агайляй, гора Агайляй — о ней будет рассказано ниже.

7. Город Кяльме. Крестовое перепутье — *Свиле*. На перекрестке с 1803 г. стоят кресты. Здесь росли легендарные сосны, на которых в 1863 г. были повешены повстанцы, боровшиеся за независимость Литвы от царской России. Деревья дожили до 1965 г. и назывались «Сосны повешенных».

8. Город Титувенай, район Кяльме. Мяджекалнис — *гора Деревьев* — сакральная дубрава. В древности здесь существовал жертвенник.

9. Город Щяуляй. Гора Крестов.

10. Город Пакруойис. В 1984 г. здесь было явление образа Божьей Матери. К 1989 г. жители окрестных сел и городков поставили уже около 50 крестов.

11. Город Утяна. На расположенном неподалеку от него Святом месте кресты ставятся с 1990 г.

12. Город Молетай, деревня Яноняй. Здесь расположено место с древним названием Пилякиемис — *Замковый двор*. Перед Второй мировой войной на Замковом дворе были поставлены первые кресты.

13. Город Швянчёнеляй. В 1962 г. отмечено явление Пресвятой Девы Марии. С 1990 г. на этом месте люди начали устанавливать кресты, есть часовня.

14. Неподалеку от городка Шакяй есть деревня Микнишке, а возле нее — «Скаусмо калнялис» — *Горка страданий*. С 1989 г. здесь ставят кресты.

15. В районе Шакяй есть еще одна Крестовая горка.

16. Недалеко от города Вилкавишкис есть горка Страдания (Страстей). С 1940 г. здесь также ставят кресты.

17. Город Кядайняй. «Шараву мишкас» — древняя дубрава. Здесь в 1863 г. была база-стоянка повстанцев, в память о них в 1965 г. появились первые кресты.

18. Рядом с городом Каунас, на месте стоявшего в память о павших в Великой Отечественной войне танка, в 1990 г. были установлены кресты.

19. Город Вишаке Руда. Здесь расположен известный с древности Святой источник, рядом с которым было святилище, на котором кресты появились еще в XVIII в. (кресты ставились во исцеление и в благодарность), а в XIX в. была построена часовня.

20. В городе Йонава первые кресты были поставлены только в 1990 г.

21. Город Приенай, местечко Вяйвяряй — кресты были поставлены в 1988 г.

22. Город-кальвария Дейвонишкес. Здесь расположен Святой источник на месте древнего святилища; кресты установлены с 1991 г.

23. Город Лаздияй. Дидвирю мишкас — *лес Героев*; здесь тоже установлены кресты. В этом же городе есть гора под названием «Кресты». Известно, что на ней в 1702 г. были установлены три креста; с 1816 г. открыта часовня Явления Пресвятой Девы Марии. Наиболее многолюдное паломничество к этому месту бывает в день свв. Петра и Павла и в Страстную пятницу (множество крестов прибито к деревьям).

25. Город Мяркине, район Варенай. В советские времена на месте массовых захоронений борцов против советской власти в Литве, был построен стадион. С 1989 г. стадион закрыт, а на этом месте стоят кресты[8*].

[8*] По данным Але Почулпайте, сотрудника Центра литовской народной культуры в Вильнюсе (Lithuanian cross-crafting. Monuments, iconography, customs, cross-crafters. Lithuanian Folk craft centre. Baboros Radvilaites str. 8. LT–01124).

Наибольшую известность в мире после посещения Папой Иоанном-Павлом II в 1993 г. приобрела гора, находящаяся недалеко от города Щяуляй[9*] (Жямайтия, Северо-Западная Литва), близ деревень Юргайчай[10*] и Мяшкуйчай (Медвежата). Ее называли Святой, Замковой горой, крепостью, курганом, Горой молитв, молельной, молитвенной горой. Она представляет собой насыпной кремниевый холм, расположенный посреди болотистой местности. Ее очертания повторяют знакомые исследователям очертания древних сакральных комплексов Восточной Европы — болотных городищ и капищ[19]. В обстоятельстве существования этого святого места на болоте прослеживаются параллели с Никольским монастырем, построенным на Сахотском болоте[20], появлением чудотворного образа св. Николая на столбе и традицией обозначать столбами и крестами гиблые места, нейтрализуя их отрицательную энергию. В русской православной традиции часто отмечается появление различных чудотворных образов на столбах, возникновение монастырей на болотах, и т.п., например, Жировичская икона Божией Матери (Беларусь).

С точки зрения направления нашего исследования, именно Щяуляйская гора крестов может быть наиболее интересна, поскольку демонстрирует не только типологию подобных святых мест, но и пути их развития. Почти всегда подобные горы возникают на месте архаичных сакральных комплексов. Постепенно, Гора крестов стала святыней не только для литовцев, приняв на себе молитвы — кресты сотен тысяч кающихся, благодарящих, надеющихся, любящих, верующих из разных стран мира.

По некоторым данным, первые кресты на святом холме Юргайчай появились в середине XIX в. Они были посвящены погибшим в освободительной крестьянской войне 1831, 1861–1864 гг. и стали не только знаком памяти, но и символом национального самосознания (тогда Литва входила в состав Российской империи). Несмотря на то, что в царской России установление крестов было

Обретение иконы Божией Матери Жировичская
XIX в. (ГИМ)

под запретом, оно не прекращалось. В советское атеистическое время в Литве установка крестов также строго запрещалась и вследствие этого вновь стала демонстрацией гражданского, религиозного, национального самосознания и неповиновения властям.

К 60-м гг. XX в. на холме было установлено около 5000 крестов разного размера, дополненных привесками. В связи с этим советская власть предприняла решительные меры по искоренению этой традиции: повсеместно была проведена компания по уничтожению крестов, столбов и часовен, за исключением кладбищенских и находящихся на территории церковных приходов. По выражению Вилюса Пуронаса, автора книги «Гора крестов», холм был буквально «обрит» бульдозерами («Бульдозерный атеизм» — термин, появившийся весной

[9*] В географических атласах пишется Шауляй. Однако мы даем более точную русскую транскрипцию названия древнего литовского города, связанного с культом Солнца.

[10*] Jurgis (Юргис) — по-литовски Георгий. Деревня «Георгиевичи».

[19] См.: *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 149.

[20] См.: *Рындина А.В.* Барийские мотивы в интерпретации образа Николы Чудотворца в России // Искусствознание. Вып. 2. М., 2002.

Кресты на горе Агаляй

Грабарка

1961 г., обозначил уничтожение крестов на Святой горе и вдоль дорог Литвы).

Благодаря усилиям литовских этнографов и краеведов небольшое количество памятников было сохранено в запасниках краеведческих музеев и частных домах. Несмотря на запрет, литовцы продолжают устанавливать кресты в потаенных местах, в глубине дворов, среди деревьев. Часовни

на столбах, столбообразные монументальные памятники, в форме которых не столь явно звучала тема главного символа христианства, — появляются повсеместно и практически открыто.

В 60–70-е гг. на «Лысой» горе появляются новые кресты, которые периодически уничтожались властями. На территории сакрального комплекса, по выражению профессора, доктора искусствоведения Витяниса Римкуса (Vitenis Rimkus)[21], разразилась настоящая «крестовая война», которая в конечном счете была проиграна властями. Со второй половины 70-х гг. можно говорить о возобновлении традиции водружения крестов и часовен на Щяуляйской горе и на всей территории Литвы.

В настоящее время на Святой горе находятся кресты, часовни с литовскими, латвийскими, эстонскими, белорусскими, украинскими, русскими, немецкими, польскими, армянскими, еврейскими, японскими и т.п. надписями. Эта гора стала воистину средоточием и выражением общечеловеческих чаяний людей многих национальностей и вероисповеданий. Сегодня по крайне приблизительным подсчетам, проведенным студентами Щяуляйского университета, на Святой горе стоят десятки тысяч только большемерных вкопанных крестов. Они покрыты сотнями тысяч крестов-привесков. Недавно, для обслуживания этой горы был построен францисканский монастырь, монахи которого поддерживают порядок на территории этого сакрального комплекса — убирают разрушившиеся кресты и ритуально их сжигают. В монастырском храме стена алтарной апсиды сделана стеклянной и ориентирована не на восток, а на гору крестов.

В 1993 г. Святую гору посетил Папа Иоанн-Павел II, освятил ее и утвердил свой крест.

Судьба Святой горы сходна с историей горы Агайляй, расположенной в лесной болотистой низине местечка Курщенай. Название «Агайляй» можно перевести как сожаление, сострадание (оно происходит от слова «gailëti» — жалеть)[11*]. Кресты появились здесь так же во второй половине XIX в. Первый из них — обетный, или поминальный, был тайно доставлен сюда родными государственного преступника, осужденного или казненного повстанца. С этих пор это — гора *скорби и надежды*, куда приходят молиться в одиночестве за осужденных. Скорбящих принимает восстановленная часовня. Кресты здесь другие. Это место не публичное, тайное, живое, т.е. святое.

Такие святые горы и холмы крестов — явление достаточно распространенное не только в Литве (оно еще мало исследовано и недостаточно осмыслено в академической среде): на границе Польши и Беларуси находится гора Грабарка (расположенная в Полесье, округе Семятыч, на северо-востоке Польши) — обрядовое место польских православных христиан. Сюда каждый год на Пасху и на Преображение Господне верующие приносят кресты.

Гора стала одним из самых известных мест для польского православия, которое представляет собой скопление вотивных крестов. История горы отмечается с XIII в., когда местное население вместе с чудотворной иконой Преображения Господня из церкви в Мельниках укрывалось от нашествия татар в лесах над Бугом. Икону с этих пор стали называть Спасом. В следующий раз свою чудодейственную силу икона явила в 1710 г., когда земли Полесья были охвачены чумой. Одному из местных старцев приснилась во сне известная всем гора Грабарка. Поведав о вещем сне, старец повел жителей местечка на гору. После омовения водой из найденного там родника, они исцелились. В знак победы над болезнью в 1711 г. здесь была возведена небольшая деревянная часовня, перестроенная в 1789 г., но уже с 1710 г. на горе стали ставить вотивные кресты.

Заключая эту небольшую статью, отметим, что к наиболее полному пониманию явления крестостроения в Литве пришли такие ученые, как Бренштейн (*Brensztejn M.*), Галауне *(Galaunë P.)*, Шукявичус *(Шукиевич Szukiewics W.)*, Чербуленас *(Čerbulënas K)*, Басанавичус (*Basanavičius J.)* и др.[22], которые в своих исследованиях говорили о пре-

[21] Щяуляйский университет.

[11*] Корень гал — жал. На упомянутой нами конференции, прошедшей в Вильнюсе, этому был посвящен доклад этнографа Э. Коцой из Кракова. В ее докладе «Крест как символ Пасхи в православной духовности. Обряды и искусство» говорилось о разновидностях и функциях крестов в православной традиции Польши.

[22] См. список работ, посвященных исследованию литовских крестов: Ставрографический сборник. Кн. III. М., 2005. С. 678: *Baltrušaitis J.* Lithuanian folk art by Jurgis Baltrušaitis. PH.D. 1948; *Bezzenberger A.* Uber Grabkreuzformen // Mitteilungen der litauschen Litterarischen Geselschaft. Heidelberg, 1887. T. 2; *Brensztejn M.* Krzyże i kapliczki źmudskie //

емственности традиции установления крестов от столпопоклонничества. По нашим представлениям, наука располагает достаточным количеством совершенно неоспоримых свидетельств, которые позволяют осознать единство и мощь этой древнейшей, постоянно меняющейся и потому живой традиции. К таким немногим, но определяющим артефактам можно отнести находку Р. Римантене в Швянтойи; сходные с ней латвийские и уральские находки, финскую традицию установления столбов у воды. Их необходимо соотносить с большим количеством известных науке погребальных комплексов разных культур, в которых присутствуют мемориальные намогильные столбы и антропоморфные столбообразные изображения, подобные тюркским балбалам[23]. Сопоставление рельефа Гнезненских ворот и предельно точного письменного свидетельства «Быховецкой хроники», делают невозможной никакую иную интерпретацию, так как они подробны в изображении и многословны в описании по сути одного и того же события — погребения человека; установления обрядового столба из живого дерева; вырастания-прорастания другого дерева и других деревьев из этого столба, т.е. появления *священной рощи*; последующего поклонения уже священной роще, каковой и является Гора крестов.

© Яворская Т.Л., 2009

Materialy antropologiczne — archeologiczne i etnograficzne. Kraków. 1907. V. 9; *Buračas B.* Kryždirbystė Lietuvoje. Vilnius, 1998; *Buračas B.* Lietuvos kaimo papročiai. Vilnius, 1993; *Čerbulėnas K.* Lietuviškř memorialiniř paminklř kilmė ir jř architektűrinė ir meninė charakteristika // LTSR architektűros klausimai. Vilnius, 1960. T. 6; *Galaunė P.* Lietuviř kryžiai. Kaunas, 1926 (Čiurlionio galerija. Leid. Nr. 1); *Galaunė P.* Lietuviř liaudies menas: Jo meniniř formř plátojimosi pagrindai. Kaunas, 1930 (факсимильное издание — Vilnius, 1988); *Gimbutas J.* Mažosios Lietuvos krikštř formos // Lituanistikos darbai. Chikago, 1966. T. 1; *Gimbutas M.* (Gimbutienė M.) Ancient symbolizm in Lithuanian folk art. Philadelphia, 1958; *Grinius J.* Lietuviř kryžiai ir koplytėlės // LKMA metraštis. T. 5. Roma, 1970; *Jasėnas K.* Visuotinė meno istorija. Mintauja. 1929. T. 1 (Architektűra); *Jucevičius I.* Raštai. Vilnius, 1959; *Kynas A.* Krikšioniškř ženklř tipologija ir paplitimo arealas Lietuvoje XIV–XX amžiuje // Liaudies kultűra. 2002. № 2; *Končius I.* Žemaičiř kryžiai ir koplytėlės. Chikago; Tėviškėlė. 1965; *Končius I.* Žemaičiř padangės kryžiř ir koplytėliř statistika // Soter. [Kaunas]. 1931. № 2 (и др. номера); *Končius I.* Žemaičiř padangės kryžiř ir koplytėliř klausimai // Gimtasai kraštas. 1943. № 31; *Kontrimas Č.* Lietuvos geležiniai kryžiai. Vilnius, 1991; *Kostkevičiűtė I.* Vincas Svirskis. Vijnius; Vaga, 1966; *Martinaitis M., Žemaitytė Z.* Ipolitas Užkurnys. Vilnius, 1987; *Matusas J.* Kaip seni lietuviški kryžiai ir koplytstulpiai // Aidai. 1959. № 10; *Milius V.* Kodėl statyti ir statomi kryžiai ir koplytėlės // Liaudies kultűra. 1992. № 5; *Misius K.* Rusijos caro valdžios požiűris á kryžius Lietuvoje // Liaudies kultűra. 1995. № 1; Nukentėja paminklai. M. Skirmantienė ir J. Varnauskas. Vilnius, 1994; *Petrauskaitė Ž.* Važiavau kryžiř rinkti // Liaudies kultűra. 1999. № 4; *Petrulis J., Žemaitytė Z.* Trys dievdirbiř kartos // Kultros barai. 1966. № 4; *Petrulis J., Žemaitytė Z.* Žaismingűřjř "saulučiř" kűrėjai // Ibid. 1966. № 7; *Salvatori G.* L'art Rustigue et Populaire en Lituanie. Milano, 1925; *Stravinskas A.* Krikščioniškoji lietuviškř kryžiř simbolika // LKMA XVI suvažiavimo darbai. Vilnius, 1996. T. 16; *Szukiewics W.* Krzyże zdobne w guberniji Wilenskiej // Wisla. 1903. T. VII; *Varnas A.* Lietuviř kryžiai // Baras. Kaunas, 1925. Kn. 5; *Žemaitytė Z.* Adomas Varnas: gyvenimas ir kűryba. Monografija. Vilnius, 1998; *Žemaitytė Z.* Lionginas Šepka. Vilnius, 1984; *Žemaitytė Z.* Paulius Galaunė. Monografija. Vilnius, 1988; *Žemaitytė Z.* Saulėmis švytintis paminklai // Mokslas ir Lietuva. 1991. № 2; *Buračas, Balys.* Kryždirbistė Lietuvoje. Sacred arts in Lituania. Vilnius (без года).

Также см.: *Rimantienė R.* Šventoji: Narvos kultűros gyvenvietės. Vilnius, 1979. С. 116–119; *Dobrzeneiecki T.* Drzwi Gnieznienskie. Krakov, 1953; Lietuvos metraštis (Bychovco kronika). Vilnius, 1971. С. 51–52; *Tkač Š.* ... len kamen a drevo. Bratislava, 1977; *Dundulieneė P.* Medžiai senovės lietuviř tikėjimuose. Vilnius, 1979. С. 76 (гл. «Инкарнация и метаморфоз»); *Серебряников.* Пермская деревянная скульптура. Пермь, 1967. С. 7–10; *Красовский М.* Деревянное зодчество // Энциклопедия русской архитектуры. СПб., 2002. С. 130; *Фадеева Т.* Образ и символ. М., 2004; Ставрографический сборник. Кн. I–III. М., 2003–2005; *Флоренский П., свящ.* Собр. соч.: статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М., 2000 [Анализ пространственнности (и времени) в художественно — изобразительных произведениях. С. 79; Культурологическое истолкование пространственности. С. 112]; *Рындина А.В.* Барийские мотивы в интерпретации образа Николы Чудотворца в России // Искусствознание. Вып. 2. М., 2002; *Вознесенский А., Гусев Ф.* Житие и чудеса св. Николая Чудотворца архиепископа Мирликийского и слава его в России. СПб. 1899. С. 232–233; Lietuviř Liaudies menas: Mažoji architektűra. Vol. I. Vilnius, 1990; Lietuviř liaudies menas: Mažoji architektűra II–III knyga. Vilnius, 1990–1992 (вступительные статьи A. Stravinskas и Kazys Šešelgis); Lietuvos architektűros istorija. Vol. I. Vilnius, 1988; Senoji liaudies skulptűra: Utenos kraŠtotyros muziejuje: Katalogas. Utena, 2002; *Vilius Puronas.* Kryžiř kalnas, Šiauliai, 1993; *Širmulis Alfredas.* Lietuviř liaudies memorialiniai paminklai: Medis: Akmuo: Gelezis. Vilnius, 1999; *Balys Buračas.* Križdirbiste Lietuvoje. Vilnius, 2002; *Jonas Basanavičius.* Lietuviu križiai archeologijos sviesoje. Vilnius, 1970.

[23] *Войтов В.Е.* Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М., 1996.